

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

# Одесские корни профессора М.А. Гуковского

Я прочла отрывок из новой книги Ростислава Александрова до того, как он вышел в этом номере газеты. Прочитав слова: "С конца 1890-х годов на Глухой, 26, по нынешней нумерации, в доме мещанина Александра Гуковского был..." — я, даже не дочитав всю строчку, буквально подскочила от мысли, от догадки. Это отец Матвея Александровича?! Позвонила автору, который для нас уже более чем полвека просто любимый Саша, стала спрашивать о Гуковских. Саша прочитал мне долгий список известных ему Гуковских. В Одессе в XIX веке их было много. И я начала искать одесские корни Матвея Александровича Гуковского, которого помню по Ленинградскому университету.

Мне повезло в жизни, потому что есть о ком с признательностью сказать: "Наставникам, хранившим юность нашу..."

Матвей Александрович Гуковский не был моим наставником в пушкинском понимании. Но он из тех, кого я часто с благодарностью вспоминаю.



На историческом факультете Ленинградского университета с первого курса студенты выбирали кафедры по интересам. Кто-то хотел стать после университета археологом, кто-то — заниматься античной историей, кто-то — западноевропейским средневековьем. На нашу кафедру истории искусства был конкурс. Из принятых на факультет вчерашних абитуриентов человек двадцать хотели стать искусствоведами, а взяли на кафедру семь человек. На упомянутых кафедрах бывало еще меньше. Не все выдерживали более углубленное погружение в древнегреческий язык и классическую латынь, чем тот курс латыни, которую мы тоже изучали. Медиевисты учили еще и средневековую латынь. Именно с сокурсниками, а порой с ассистентами и лаборантами этих кафедр я больше всего общалась.

Так, я иногда вырывалась на лекции Матвея Александровича Гуковского, который заведовал кафедрой истории средних веков и Научной библиотекой Эрмитажа. Мне так нравились его лекции, что через год, может, два я начала ходить на его спецкурс о Леонардо да Винчи. Прошло с тех пор полвека, но эти занятия у Гуковского, это волшебное погружение в эпоху — от ее великих и знаменитых личностей до драгоценных деталей и почти никому неизвестных людей, как Акатабрига (забияка) — кличка отчима маленького Леонардо, за которого была выдана его мать Катарина после рождения сына от почтенного нотариуса Пьетро да Винчи. И книги с изданными факсимиле рукописями Леонардо. Это были дары профессору Гуковскому из Италии — из Академии Леонардо (Raccolta Vinciana). Матвей Александрович прикладывал к страницам зеркальце и показывал, что только таким образом можно читать рукописи Леонардо — в их зеркальном отражении. Многие помнят.

Однажды он сказал, что за отличные успехи в гимназии родители сделали ему подарок — повезли в Италию. Первым городом была Ве-

неция. "Я с первого мгновения влюбился в Венецию и решил, что буду заниматься в будущем итальянской культурой!" Так и было. Только в любимой Италии ему побывать больше не пришлось...

В Италии я часто вспоминала Гуковского. И в фамильной церкви семьи Медичи Сан-Лоренцо, стоя над надгробной плитой Козимо Медичи. Гуковский рассказывал, что в мастерской Андреа Верроккио, куда 14-летний винчинец поступил учеником, как раз шла работа над этой плитой с кругами из белого мрамора на фоне темного — геральдическими знаками Медичи. Эта знаменитая семья происходила из ремесленников, коими и считались в те времена лекари. И, конечно, в Уффици, перед "Крещением Христа" А. Верроккио, где златовласого ангела написал его ученик, юный Леонардо.

Но особенно остро воспоминания нахлынули в Милане — и в Амброзиане, и в бывшей трапезной монастыря Санта Мария делле Грацие с "Тайной вечерей" Леонардо. А особенно — в замке Сфорца. Двадцать лет провёл Леонардо в Милане, при дворе Лодовико Моро. Я даже отправилась к каналам Милана, идею которых когда-то развивал мастер из Винчи. Хоть точнее — из Анкиано.

Милан — город с великим прошлым, динамичный, устремленный в будущее, осененный гением Леонардо!

Так что память о Матвее Александровиче Гуковском шла со мною рядом.

Однажды, узнав, что я из Одессы, Гуковский попросил передать привет своему собрату по несчастью Арону Моисеевичу Мерхеру.

И теперь о трагическом. В черные времена "борьбы с космополитизмом" Матвей Александрович и его брат, знаменитый литературовед Григорий Александрович были арестованы. Г.А. Гуковский погиб в тюрьме во время следствия, а Матвей Александрович получил 10 лет лагерей. Там, в Дубравлаге, в Мордовии, его сокамерником был Арон Моисеевич Мерхер, художник, до войны — директор Еврейского музея в Одессе. Вернувшись с войны, Мерхер уже не увидел своего музея. Работал преподавателем в художественном училище. В 1949 году был арестован и оказался в том же Дубравлаге. После освобождения работал библиотекарем в Одесском музее западного и восточного искусства. Так какое-то время я передавала приветы, их теплые слова друг другу в Одессе и Ленинграде...

Я в своих прежних текстах упоминала Матвея Александровича Гуковского, но вновь взяться "за перо" побудил интерес к одесским корням любимого профессора.

Начну с "мещанина Александра Гуковского". Он родился в Одессе, не нашла дату рождения, но узнала, что Александр Моисеевич Гуковский уже в конце XIX века жил в Петербурге, где и родились его сыновья Матвей (по еврейской традиции первая буква имени совпадает с такой же буквой в имени деда) и Григорий. В Петербурге он был известен как инженер-технолог, директор-распорядитель акционерного общества завода "Атлас" и директор правления общества "Вольта", затем — преподаватель в политехническом институте. Скорее всего, что и после отъезда в Петербург дом на улице Глухой оставался в его владении. Дом этот на бывшей Глухой, а с начала XX века — на Запорожской, не сохранился, на его месте — послевоенный дом. Но на Молдаванке, в том числе и на Запорожской, сохранилось еще много построек — ровесников дома, о котором идет речь. В книге Якова Майстрового "История Одессы в названии улиц" мне нравится комментарий: "Глухая улица получила свое название не потому, что она где-то на окраине города в глуши, нет, она носит лишь фамилию первого ее обывателя Ивана Глухого...". Из прошения домовладельцев и жителей Молдаванки в одесскую городскую Думу от 18.10.1901 года".

А Гуковских действительно в Одессе было много, упомяну хотя бы двоюродных сестер А.М. Гуковского — писательницу Гуковскую Меланию Леонтьевну, автора книги "Колдовство на Литве" (Ковно, 1900), и ее сестру Викторию Леонтьевну, увлеченную народническими идеями.

"24 июля 1878 г., после приговора над И.М. Ковальским (организатором революционной кружка в Одессе, — В. Г.), произнесла речь на Приморском бульваре в Одессе и участвовала в демонстрации протеста. Была тогда же арестована, но отбита демон-

странтами. Арестована вторично 14 авг. 1878 года и, просидев около года в тюрьме, предана суду. Одесским военно-окруж. судом 8 авг. 1879 г. приговорена к высылке в Сибирь. Поселена в Красноярск, где покончила жизнь самоубийством (повесилась) 1 марта 1881 года" (из Интернета). Ей было 17 лет. Бедная девочка.

Какие бывают совпадения. В этот же день, о чем она не могла знать, взрыв на Екатерининском канале в Петербурге — убийство Александра Второго.

Я продолжала поиски. Дальше, на мой взгляд, еще интереснее.

Российской Национальной библиотекой, в которой я в свои студенческие годы бывала очень часто, в Публичке, как мы говорили, был выпущен 4-томный Биографический словарь обо всех сотрудиках библиотеки со времени ее открытия. В том числе и об М.А. Гуковском

В 1920 — 25 гг. М.А. Гуковский был сотрудником Публичной библиотеки. И о нем подробнейшая справка, из которой я и узнала много интересного и удивительного.

Справка была явно составлена из архивных документов, из автобиографий, анкет, которые требовались в советские времена

М.А. Гуковский в 1917 году, окончив с золотой медалью классическую гимназию в Петрограде, наверное, по настоянию отца, в том же году поступил на механический факультет Технологического института. Боже, подумала я, читая справку, какого профессора мы могли лишиться, если бы он окончил Технологический институт!

Но случился октябрьский переворот, и юный Гуковский "в 1918 году вместе с семьей уехал к родственникам в Одессу. Поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Новороссийского университета. Темой занятий была история итальянского Возрождения, по которой занимался у академика Н.П. Кондакова, специализируясь на изучении творчества художника Мантеньи. ...Годы учебы совмещал с работой. В 1919 — 20 служил в Одесском опродкомгубе техником" — это всё из упомянутой справки РНБ.

В те страшные годы многие уезжали, а кто и возвращался, с севера на юг. Так, знаменитый ученый, византист, знаток древнерусского и западноевропейского искусства, академик Никодим Павлович Кондаков еще в 1870 году был избран доцентом кафедры истории искусств Новороссийского университета, в 1877 году стал профессором. С 1888 по 1897 год — профессор кафедры истории искусств Санкт-Петербургского университета. В 1917 году Кондаков вернулся в Одессу, потом были Ялта, Константинополь и, наконец, Прага.

Об этих океанных днях написано не только И.А. Буниным, но многими.

Вот стихи Семена Липкина об этих днях:

## Одесса. 1919

*Разбит наш город на две части,  
На Дерибасовской патруль,  
У Дуварджолгу пахнут сласти,  
И нервничают обе власти.  
Мне восемь лет. Горит июль.*

*Еще прекрасен этот город,  
И нежно светится собор,  
Но будет холод, будет голод,  
И ангелам наперекор  
Мир детства будет перемолот.*

К каким родственникам отправилась из Петрограда в Одессу эта семья? Оставались ли в Одессе Гуковские? А, может, Хмельницкие, люди, вошедшие в историю Одессы? В сведениях о родственниках М.А.Гуковского сказано: дядя — правовед, историк адвокатуры и публицист Исаак Абрамович Хмельницкий.

Двоюродный брат — адвокат Александр Исаакович Хмельницкий.

Не останавливаясь в своих поисках, я нашла статью В. Левченко, написанную несколько лет тому назад к 145-летию И.А. Хмельницкого. Автор, говоря о судьбе героя статьи, пишет: "Судьба И. Хмельницкого сложилась так, что он дважды был женат. В первом браке его женой стала женщина из известной в общественных кругах Одессы семьи, "происходящей из революционного гнезда Гуковских". 18 октября 1889 г. в их семье родился сын Александр". Очевидно, дядя

И.А. Хмельницкий был женат на сестре А.М. Гуковского.

Неизвестно, чем был вызван второй брак, скорее всего, смертью первой жены, разводы все-таки были большой редкостью. Второй сын, Сергей, родился через 18 лет после Александра.

Сергей Хмельницкий из Одессы уехал в Ленинград в 1926 году, стал писателем, очень популярна была когда-то его историческая повесть "Каменный щит", написанная для детей, умер в 1952 году. Он среди родственников М.А. Гуковского не упоминается.

У его отца и брата была другая судьба.

Исаак Абрамович Хмельницкий после многих перипетий в своей жизни, в которой были и естественное отделение физико-математического факультета Харьковского университета, потом юридической факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1887 г. со степенью кандидата права.

В ноябре 1886 г. за участие в демонстрации, по случаю 25-летия со дня смерти Н.А. Добролюбова, был задержан полицией, некоторое время находился под арестом, после был вынужден покинуть столицу. Так в 1887 году он оказался в Одессе, где вскоре женился.

Нужно было содержать семью, занимался частной практикой, так как шлейф неблагонадежного за ним тянулся с петербургских времен. К тому же и в Одессе он оставался социально активным человеком, чему способствовали не только юридические знания и практика, но и публицистический талант. Он публиковал свои статьи во многих одесских изданиях, в частности, таких как "Одесский вестник" и "Одесский листок", за пределами Одессы — в "Бессарабском вестнике" и в московских "Русских ведомостях". Всех изданий не перечислить. По-прежнему, как в молодости, придерживался социал-демократических взглядов.

Не стану перечислять юридические посты, которые занимал Хмельницкий в Одессе с установлением советской власти. На мой взгляд, интереснее его преподавательская деятельность. В начале 1922/23 учебного года был избран на должность профессора Одесского института народного хозяйства. И здесь судьба свела профессора Хмельницкого с молодым студентом, которому он не раз помогал. Этим студентом был Саул Боровой, ставший впоследствии известным историком. Не только одесситам, но прежде всего, конечно, одесским гуманитариям имя Саула Яковлевича Борового хорошо известно. И не забыто.

Как пишет В. Левченко в упомянутой статье, "Первый раз это произошло в период политики нэпа, когда советская власть приняла решение о плате за учение некоторых групп студентов. С.Я. Боровой вошёл в группу самой высшей категории, к которой относились дети нэпманов, а сумма такого взноса была бы совершенно непосильной для молодого человека, работающего в то время сотрудником библиотеки. От незаконной платы за обучение С.Я. Борового спас И.А. Хмельницкий"... И еще оттуда же: "...с "лёгкой руки" И. Хмельницкого и к большому удивлению С.Я. Борового появилась в печати первая за его подписью статья "Революционная листовка в Одессе 1917 — 1922 гг."

Старший сын И.А. Хмельницкого Александр, выпускник Новороссийского университета, начинавший присяжным поверенным, во многом пошел по стопам отца. Активный участник революционных событий в Одессе, комиссар юстиции Одесской советской республики, затем — на таком же посту в Киеве. Умер в 30 лет от туберкулеза, подхватив воспаление легких в 1919 году.

Всем знакома улица Богдана Хмельницкого в Одессе. Но, думаю, что уже не многие помнят, что улица Садовая носила до войны имя Хмельницкого. Не Богдана. Из книги Якова Майстрового: "В ознаменование первой годовщины безвременной кончины первого наркомомства Украины А.И. Хмельницкого специальной комиссией, избранной для чествования его памяти, постановлено... 2) Садовую улицу назвать именем тов. А.И. Хмельницкого — 5.12.1920..."

Давным-давно вернули улице название — Садовая. Не сделали бы тогда, теперь переименовали бы, борясь с коммунистическими символами". Но память человеческая не живет от указа до указа. В памяти, как и в истории, останутся и Гуковские, и Хмельницкие, останется Одесса, давшая миру тысячи замечательных людей.

Фото Нины Аловерт.